

Б. Н. ШВИЛКИН

**РАССКАЗЫ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ПРОФЕССОРА**

Москва

Физический факультет МГУ

2002

Швилкин Б. Н. **Рассказы университетского профессора.** —
М.: Физический факультет МГУ, 2002. — 52 с.

Рассказы сборника основаны на воспоминаниях профессора Московского университета Ивана Алексеевича Яковлева (1912 – 2000) и членов его семьи. В них отражены фрагменты жизни российской интеллигенции с конца XIX века до середины XX века.

© Швилкин Б. Н., 2002

© Физический факультет МГУ, 2002

*Светлой памяти
Ивана Алексеевича Яковлева
посвящается*

И. А. Яковлев и Б. Н. Швилкин
в лаборатории на физическом факультете МГУ (январь 1997 г.)

Вступительное слово академика В. Л. Гинзбурга

Иван Алексеевич Яковлев (1912 – 2000) много лет был профессором Московского университета и членом редколлегии журнала «Успехи физических наук».

Помимо собственных серьезных научных работ по физике он вел большую педагогическую работу и активно участвовал в деятельности УФН, опубликовав там много статей (подробнее о жизни и деятельности И. А. Яковлева можно узнать из статьи, опубликованной в УФН, 2000, т. 170, № 5, с. 579 – 580; сокращенный вариант ее помещен в приложении к настоящему изданию).

Иван Алексеевич, кроме того, был высокообразованным и интересным человеком и рассказывал своим друзьям немало занимательных историй. Его коллега и друг Борис Николаевич Швилкин записал некоторые из этих историй, и они здесь публикуются.

Желаю успехов этому изданию.

16 января 2002 г.

АКАДЕМИК В. Л. ГИНЗБУРГ

Содержание

<i>Вступительное слово академика В. Л. Гинзбурга</i>	5
<i>Предисловие</i>	9
Дурь Петра I	11
Страничка из истории русского предпринимательства	12
Нравы дикого (?) капитализма царской России	13
Аудиенция у Николая II	14
Интеллигент из Симбирска	14
Семья Цветаевых, какой ее знали Яковлевы	15
Царь не казнил большевиков	16
Открытие Василия Осиповича Ключевского	18
Отречение Николая II	18
Легенды Октября	19
А сколько было осведомителей?	20
История одного помилования	21
Чекист Половинкин	23
Интеллигенты-мешочники	23
Слово русского офицера	24
Какой же была она — жена Сталина?	26
Как появился в семье Дмитрия Ульянова сын Виктор	27
Лев Троцкий в отстойнике для руководящего состава партии	27
Бакунин хотел помочь Патриарху	28
Натали Мартру	29
Как разрушали памятник Александру III	31
Нестандартное решение вопроса	31
Простота хуже воровства	32
Арест и ссылка в Минусинск	33
И гнев, и милость	36

Константин — московский звонарь	37
Сталин глазами художника	38
Пушкиных в России ссылали всегда	39
Под занавес	41
Перековка малолеток	43
Москва в 1941 году	44
Хлебная карточка Ю. Б. Харитона	45
Офтальмолог Филатов	46
Бдительность Павла Корина	46
Наивный дегустатор вин	48
<i>Иван Алексеевич Яковлев</i>	50

Предисловие

С профессором Иваном Алексеевичем Яковлевым и его сестрой, историком Ольгой Алексеевной, мы были знакомы около сорока лет. Семья Яковлевых — хранительница нашей русской истории. Их дед, Иван Яковлевич Яковлев — основатель чувашской письменности, инспектор чувашских школ в городе Симбирске, — был в близких отношениях с инспектором русских народных училищ Ильей Николаевичем Ульяновым. Их отец, Алексей Иванович — видный историк, член-корреспондент АН СССР, профессор, ученик и последователь Василия Осиповича Ключевского, — общался с Владимиром Ильичом Ульяновым-Лениным. В советское время беспартийному историку Алексею Яковлеву пришлось побывать в ссылке в Минусинске одновременно с видными руководителями антисталинской оппозиции, в том числе с Львом Борисовичем Каменевым. Трудно удержаться, чтобы не поделиться с читателями короткими историями, сюжеты которых навеяны рассказами Яковлевых о действительных событиях, и которые могут что-то добавить к раскрытым уже за последние годы ранее недоступным обществу материалам о нашей российской истории. Заранее приношу извинения читателям за возможные неточности в записанных на слух рассказах.

Б. ШВИЛКИН

Дурь Петра I (Из прошлого в настоящее)

Каких только имен не давали на Руси родители своим новорожденным детям. Собака, Судак, Крик, Плач, Гам, Береза, Осина, Ольха, Малюта — такими странными для нас именами пестрел род человеческий в древней Руси. Позднее порядок присвоения имен был изменен. Имена новорожденным стали давать священники, записывая детей в церковные книги, а список имен стал строго ограничен лишь теми именами, которые значились в Святцах — календаре русской православной церкви. В определенный день года давалось определенное имя. А день этот для каждого человека определялся или днем рождения, или днем его крещения. Так, царь Иван по прозвищу Грозный родился в день святого Тита, крестили же его в день Ивана. Вот и получил царь имя Иван. Царь Петр I родился в день святого Исаакия, а крещен был в день Петра. Так что не случайно, что при строительстве Петербурга один из величественных соборов города был назван Исаакиевским. Это была дань государя своему покровителю — святому Исаакию. Однако, несмотря на установленный порядок, некоторые россияне продолжали поддерживать старые традиции и давали своим детям наряду с церковным второе, светское, имя. И это имя вносилось в домовую книгу.

Но в России власть светская всегда стояла выше власти церковной, а российским монархам закон всегда был не писан.

Был у царя Петра приятель некто Алсуфьев и женился этот приятель на иностранке, что тогда было модным. А иностранку ту звали Евой. И родился у Алсуфьевых сын, которого священник нарек Василием. Вскоре зашел к Алсуфьевым сам царь поздравить супругов. «Как называли сына?» — спросил Петр. «Василием», — ответили ему родители. «Не годится! — возразил царь. — Назвать его Адамом. Раз есть у вас в семье Ева, то должен быть и Адам». Велел царь Петр привести священника, приказал ему изменить имя новорожденного и переделать запись в церковной книге. Возражавший поначалу священник вынужден был уступить грозному российскому самодержцу.

А что изменилось с тех пор? Родился у российского Президента внук, а раз есть в семье Борис, то назвать внука Глебом и баста. Все дела бросил, а на крещение внука в церковь поспел. После, когда интервью давал, признался, что боялся — другим именем родители внука нарекут, при нем же — не посмеют.

Страничка из истории русского предпринимательства (Ах, если бы верблюд мог выбрать себе хозяев!)

В Симбирской губернии находилось родовое гнездо видных в России дворян Пашковых. Фамилия эта известна была в основном тем, что поставляла она царю для службы в армии своих сыновей. Все они служили офицерами в гвардейских полках. Молодые люди, как водится, любили красивую жизнь, женщин, карты, скачки и, естественно, офицерского жалования на шикарную жизнь им не хватало. Хочешь не хочешь, приходилось вести хозяйство, заниматься земледелием. Дело, как принято, вел управляющий, а землю пахали на лошадях. Большого дохода предприятие не давало. Зимой часто лошадей нечем было кормить, и они дохли. Кто-то из братьев предложил заменить лошадей верблюдами, которые, как известно, могут длительное время жить без корма. Сказано — сделано, и братья выписали себе в имение верблюдов. Затея, однако, принесла «предпринимателям» только убытки, поскольку никто не умел запрягать верблюдов и не знал, как на них пахать землю.

А вот предпринимателям — братьям Меньшиковым — с верблюдами, прямо скажем, крупно повезло, да и верблюдам с хозяевами. Освободившись от крепостной зависимости, стали братья гутниками — завели стекольное дело. Мало-помалу встали на ноги. А тут вдруг модным стало ставить витражи в витринах магазинов — большие стекла. Любой купец мечтал раздобыть такое стекло и денег на это не жалел. А стоили эти стекла дорого, поскольку делали их в Вене. Сообразили братья Меньшиковы, что «за морем телушка — полушка, да дорог перевоз», и стали учиться делать такое стекло у себя в Калужской губернии. И научились, да вот беда — везут на лошадях стекла по нашим разухабистым русским дорогам до железки, а стекла бьются. И пришла кому-то из братьев мысль, а нельзя ли использовать для перевозки стекла верблюдов — кораблей пустыни. Обсудили сообща и послали «рационализатора» в город Гурьев изучать вопрос да деньгами снабдили. Спустя некоторое время появился брат на заводе с табуном верблюдов — животных, которых в тех краях никто ранее не видал. Завидя верблюда, старушки неистово крестились, а верблюд и плюнуть мог в прохожего. Да ничего, обыватели скоро привыкли к диковинным животным. А братья клали два стекла на верблюда по одному с каждого бока и вели стеклянный караван на станцию.

Нравы дикого (?) капитализма царской России

Известный русский купец Мамонтов, прозванный Лоренцо Великолепный, слыл большим ценителем поэзии, театра и живописи. В его московском особняке и на подмосковной даче собирались видные художники и артисты. Здесь часто бывали Нестеров, Серов, Врубель, Шаляпин и другие знаменитости.

В самом конце позапрошлого века, в 1899 году, Мамонтов пожелал купить Невский завод в Санкт-Петербурге. По существующим тогда правилам покупатель сего должен был располагать не только деньгами на покупку, но и иметь некоторый избыточный капитал, который требовалось непременно положить в один из российских банков — для устойчивой работы приобретенного предприятия. Лишних свободных денег у купца на тот момент не было. Однако он все-таки нашел их, сняв со счета принадлежавшей ему же Ярославской железной дороги в надежде быстро «прокрутить» их. Для официального завершения сделки купли-продажи на документах требовалась виза министра финансов России графа Витте. К министру Савва Иванович послал своего сына Всеволода. Витте принял его и спросил: «А есть у вас залоговый фонд?» — «Есть», — ответил молодой человек. «А откуда вы взяли деньги?» — поинтересовался министр. И простодушный сын купца обмолвился: «Мы сняли их со счета Ярославской железной дороги». А сняли они фондовый капитал, что делать было никак нельзя.

Возмущенный очевидным финансовым подлогом, считавшимся по тем временам большим криминалом, министр сдал Мамонтова правосудию. Подобные действия Витте по отношению к Савве, возможно, были обусловлены тем, что его раздражала популярность и уважение, оказываемые Савве в обществе. Он же, российский министр Витте, чувствовал себя почти что изгоем при царском дворе, куда императрица Мария Федоровна не допускала его жену-еврейку, состоявшую к тому же ранее в браке и разведенную со своим первым мужем.

Судебное разбирательство закончилось для Мамонтова крайне плачевно. Было конфисковано все принадлежащее ему имущество. В тюрьму Савву — любителя быстрой езды на рысаках — полицейские ввели у всех на глазах в наручниках пешком.

От баснословного богатства у именитого купца осталось лишь имение

в Абрамцеве, да и то потому, что при покупке документы были оформлены не на него самого, а на жену Елизавету Григорьевну. Вот какие были порядки в царской России в конце позапрошлого, XIX века.

А Мамонтов так и не оправился от постигшего его несчастья. Попытка развить начатое в прошлом совместно с Врубелем производство майолики оказалась безуспешной.

Аудиенция у Николая II

Кто-то из друзей устроил аудиенцию Ивана Яковлевича Яковлева — действительного статского советника — у императора Николая Александровича. На приеме в царской библиотеке инспектор чувашских училищ Казанского учебного округа рассказал о замыслах развития образования своего малого народа. Царь одобрительно выслушал рассказ инспектора. А в качестве пожелания ненавязчиво рекомендовал перевести на чувашский язык, письменность которого недавно была создана Яковлевым, побольше русской классики. При этом царь полез по приставной лестнице на одну из верхних книжных полок и достал томик Льва Толстого «Севастопольские рассказы». «Вот что я советую Вам обязательно перевести на чувашский язык», — сказал он, стоя на лестнице. Хотя царь и не был идеалом Ивана Яковлевича, но ему тогда показалось, что Николай Александрович был человеком стеснительным.

Интеллигент из Симбирска

В емкое понятие «интеллигентность» входит, по-видимому, доброжелательность и веление человеческой души сострадать чужому горю вне зависимости от обстоятельств.

После суда и казни Александра, посягавшего на царя — помазанника Божьего, в Симбирске многие знакомые перестали замечать и здороваться с Ульяновыми при встречах. Однако это не повлияло на отношение к ним Яковлевых. После страшного для семьи Ульяновых известия сраженный горем Володя безвыходно провел в доме Яковлевых трое суток, где его все пытались утешить.

А после революции глава семьи Яковлевых, Иван Яковлевич, будучи несогласным со многими жестокими актами новой власти Ленина, часто задавался вопросом: «Как мог Володя стать таким жестоким („разбойником“)?» И это несмотря на то, что Владимир Ильич не раз лично выручал непокорного языкастого старика от репрессий местных чувашских властей.

Семья Цветаевых, какой ее знали Яковлевы

Знакомству семей Цветаевых и Яковлевых положил начало Алексей Иванович Яковлев. А было это так. Его отец, Иван Яковлевич, провожая сына в 1896 году на учебу в Московский университет, снабдил его рекомендательным письмом своего симбирского друга некоего Прокофьева — служащего удельной конторы. Адресовано оно было профессору классической филологии Московского университета Ивану Владимировичу Цветаеву, который в то время работал также по совместительству директором Румянцевского музея. Профессор радушно принял молодого человека в своем доме и в дальнейшем постоянно покровительствовал ему.

В университете у Цветаева был враг — профессор гражданского права Лев Аристидович Кассо, — ставший вскоре министром народного просвещения России. Кстати, это был тот самый министр, который впервые допустил полицию в 1911 году в храм науки. Кассо не замедлил наслать пристрастную комиссию для проверки деятельности Румянцевского музея. Комиссия, как водится, вскрыла недостатки. Обнаружили скрипку, вроде бы работы Страдивари, подаренную кем-то музею и нигде не оприходованную. Нарушение это признали столь значительным, что Цветаев был вынужден покинуть пост директора музея. Уйдя с директорства, он занялся созданием музея Изобразительных искусств, который строили в память об императоре Александре III на пожертвования богатых российских меценатов, среди которых были Морозов, Нечаев, Мальцев и другие.

Иван Цветаев был дважды женат. От первого брака имел двоих детей — Валерию и Андрея. От второго брака с Марией Александровной Мейн родились дочери — Анастасия и Марина. Они, как и дети от первого бра-

ка, рано осиротели. Младшие девочки были способными, но совершенно не желали учиться. В конце концов, обе бросили гимназию. Ивану Владимировичу было трудно воспитывать нравных дочерей. Однажды он жаловался на них друзьям: «Вот ведь что придумали. Нашли мне женщину в жены. А я ведь ее даже не знаю».

Уже после смерти Ивана Владимировича Анастасия вышла замуж за некоего Трухачева. Мужа убили в Первую мировую войну. Марина вышла замуж за Сергея Эфрона, сына народовольцев, с которым, как и Анастасия со своим мужем, она познакомилась на катке.

Эфрона – участника белого движения – во время эмиграции завербовали чекисты, и он выполнял их различные поручения за границей. После громкого скандала, связанного с убийством Рейса-Порецкого, Эфрон, спасаясь от французского правосудия, спрятался в Гавре в трюме советского корабля, который доставил его в СССР. Здесь ему присвоили высокое воинское звание, и он некоторое время щеголял по Москве в военной форме. Поселился Эфрон сначала в гостинице «Метрополь», а через некоторое время перебрался в гостиницу «Советскую», что расположена напротив Моссовета.

После бегства Эфрона жизнь Марины в Париже стала несносной из-за пересудов соседей. В школе на сына указывали пальцем и говорили: «Его отец — убийца». Вскоре ее дочь Ариадна переехала в Москву к отцу и устроилась работать в одном из издательств под патронажем Михаила Кольцова. Следом за дочерью в 1939 году в СССР приехала и сама Марина с сыном. Жизнь семьи Марины оказалась печальной. Из ее семьи выжила только дочь Ариадна. Великая чистка задела и Анастасию. Та зачем-то ездила к Максиму Горькому на Капри, после чего ее стали таскать в ОГПУ, а позже арестовали и выслали в Кадом на Вологодчину.

Царь не казнил большевиков

Александр Гречкин в 1896 году окончил Симбирскую гимназию и в том же году поступил в Московский университет на химический факультет. Университет он окончил, но химиком так и не стал, а виной тому был беспокойный характер Александра: не мог он оказаться в стороне от сколько-нибудь значительных событий. Вот что произошло с ним в

1905 году во время Первой русской революции. В том году Александр оказался в Сочи как раз в то время, когда бунтовщики пытались овладеть казармами. Там засел местный гарнизон и отчаянно отстреливался от нападавших. Вот в этот-то момент и появился на площади перед казармами Александр. Он подошел к командиру повстанцев и предложил обстрелять казармы из пушек. «А пушки-то где взять?» — иронически спросил командир. «Как где, вот же они», — показал рукой Александр на стоявшие на площади старинные пушки, уцелевшие еще со времен покорения Кавказа и служившие декоративным украшением площади. «А где взять порох и ядра?» — спросил командир. «Порох — в охотничьей лавке, а вместо ядер надо использовать гири, которые есть у любого рыночного торговца», — советовал Александр.

И все получилось в лучшем виде. Грохот пушек возымел действие: гарнизон сдался. Это был единственный в истории Первой русской революции случай, когда гарнизон царской армии сдался повстанцам.

А вскоре на сочинском рейде появилась эскадра под командованием царского адмирала Вирена, которая была послана сюда правительством на подавление бунтовщиков. На переговоры с адмиралом отправился все тот же Александр. При появлении его на борту флагманского корабля адмирал поначалу приказал повесить Александра, однако не только не повесил, но даже, наоборот, велел его отпустить, поскольку наглый бунтовщик заявил адмиралу, что, если его повесят, товарищи на берегу дотла сожгут город.

После подавления восстания Гречкин бежал в Одессу. Там он скрывался в доме у своего товарища. Властям Александра выдал слуга товарища, которому показалось подозрительным, что гость в течение нескольких дней не выходил на улицу, и он сообщил об этом в полицию. У Гречкина нашлись заступники. Историк Василий Ключевский написал письмо Вирену с просьбой передать дело молодого человека из военного суда в обычный гражданский суд. На суде Гречкина защищал известный адвокат по политическим процессам Гремяченский. О высшей мере наказания не могло быть и речи. Не то что Гречкин, ни один большевик в России по приговору суда не был казнен царским правительством за участие в революционной деятельности. Приговор был таков: четыре года каторги (с учетом предварительного заключения) с последующей ссылкой в Минусинск. За три года каторги на запястьях его рук образовались

вмятины от кандалов.

После победы Октябрьской революции беспартийный Гречкин получил от новых властей почетный статус политкаторжанина. Но в почете ему довелось побыть не долго, и 1937 году он получил-таки высшую меру от рук нового «правосудия».

Открытие Василия Осиповича Ключевского

Университетские профессора любили иногда встречаться в ресторане Тестова, там, где сейчас стоит магазин «Москва». Посещала этот ресторан публика интеллигентная, и пьяных здесь не было. Однажды у Тестова встретились трое: Василий Осипович Ключевский, Алексей Иванович Яковлев и адвокат Федор Никифорович Плевако. «Вот собрались мы, три русских человека, а какие мы русские? — изрек Ключевский. — Я — полумордвин, ты, Алексей Иванович — получаваш, а Плевако — полукиргиз».

Отречение Николая II

Дело историков началось в 1929 году. Арестовали тех, кто как-то был связан с Пушкинским домом в Ленинграде. Директора этого дома академика Сергея Платонова обвинили в сокрытии важных государственных документов.

И вот как это было. Во время февральской революции 1917 года, чтобы получить отречение от престола Николая II, в ставку царя ездили на специальном поезде два члена Государственной Думы Гучков и Шульгин. 2 марта они получили от Николая два совершенно идентичных текста Отречения. Каждому из них царь вручил по одному экземпляру. В дела же Временного правительства поступил только один документ. Второй, спустя некоторое время, попал каким-то образом в Париж.

Этот-то злосчастный второй экземпляр Отречения Николая II и приобрел Платонов в Париже во время своей служебной командировки. Он хранил его у себя в кабинете в Пушкинском доме среди других документов. В том, что академик ездил в Париж, не было ничего удивительного.

Это делалось с разрешения советских властей для покупки подлинников пушкинских писем и рукописей из различных частных коллекций. Основным источником таких поступлений была коллекция А. Ф. Отто, который, живя с 60-х годов XIX века во Франции, скупил много различных реликвий русского поэта. Отто был гимназическим товарищем П. В. Жуковского, сына поэта В. А. Жуковского, и получил от него уникальные рукописи Пушкина и другие ценные документы. А. Ф. Отто был таким большим поклонником Пушкина, что даже взял себе фамилию пушкинского героя — Онегин.

Обнаруженный среди пушкинских реликвий последний указ царя об отречении и послужил единственным поводом ареста академика Платонова и ссылки его в Самару. Не будь этого повода, власти нашли бы какой-нибудь другой. Ведь затевалось большое дело против непокладистой интеллигенции, ей нужно было дать «укорот». Арестовали не только Платонова. Пушкинский дом был фактически разгромлен. Были арестованы и сосланы многие видные ученые-историки такие, как Готье, Тарле, Яковлев и другие. Большинство из них вернулось из ссылки в 1933 году, а Платонов умер там.

Легенды Октября

Желание видеть Октябрьскую революцию великой привело к возникновению ряда легенд и вымыслов, к которым советские люди настолько привыкли, что воспринимали их как достоверные исторические факты. Революция обрастала легендами с первого же ее дня — с 25 октября 1917 года.

Стрелял ли крейсер Аврора боевыми снарядами по Зимнему дворцу, были ли человеческие жертвы при штурме дворца и, наконец, бежал ли премьер-министр Российского временного правительства Александр Федорович Керенский, скрываясь от большевиков, в женском платье?

Истинность последнего утверждения может быть подвергнута сомнению. Известно, что Федор Александрович Керенский и Илья Николаевич Ульянов оба трудились на ниве народного просвещения в Симбирске. Первый был директором мужской гимназии, которую, кстати, с золотой медалью окончил Владимир Ильич, второй — инспектором русских учи-

лиц. Их семьи были дружны и посещали друг друга. Вот и однажды во время зимних каникул семейство Керенских посетило Ульяновых. «А где же ваш младшенький?» — спросил кто-то из Ульяновых. «А мы его сегодня нарядили девочкой», — был ответ родителей маленького Саши Керенского.

Так не с подачи ли Володи Ульянова позднее появилась на свет легенда о том, что Керенский улизнул от преследования большевиков только благодаря тому, что и в этом случае он надел на себя женскую одежду? Если же на самом деле факт переодевания имел место, то следует признать, что Александр Федорович был склонен к ношению женского платья. Помочь нам в этом разобраться могут только независимые историки.

А сколько было осведомителей?

Один из шефов российской полиции Владимир Федорович Джунковский — товарищ (заместитель) министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов — при советской власти написал мемуары. Рукопись их купил для Литературного музея директор музея Бонч-Бруевич — один из соратников Ленина, который перед назначением на этот пост был освобожден от должности управляющего делами Совнаркома по требованию Троцкого.

До того, как стать шефом полиции России, Джунковский был московским губернатором, а главой полиции он был недолго. Одной из причин отставки генерал-лейтенанта Джунковского было нежелание его привлекать к работе охранного отделения солдат и гимназистов (он счел «чудовищным такое заведомое развращение учащейся молодежи, еще не вступившей на самостоятельный путь»).

После революции Джунковского, наверное, как в какой-то мере пострадавшего от царского режима, Дзержинский привлек к работе по организации сыскного дела в Советской России в качестве консультанта. В составе созданного советской властью ЧК в то время работало немало специалистов из бывшего охранного отделения старой России. Они обучали новых молодых специалистов из среды рабочих и крестьян. И неудивительно, что часто при появлении Джунковского в советских учреждениях ЧК кто-нибудь из сотрудников вскакивал, вытягиваясь по стой-

ке «смирно» и четко выкрикивал приветствие: «Здравия желаю, Ваше Высокопревосходительство!»

Как-то раз один из знакомых спросил Джунковского: «А много ли было осведомителей у царя?» Джунковский почему-то помедлил с ответом. Тогда собеседник задал ему наводящий вопрос: «Меньше миллиона?» На что бывший шеф жандармов ответил: «Нет, милейший, пожалуй, побольше миллиона». И это при населении России немного больше ста миллионов человек. А сколько осведомителей было в СССР на двести пятьдесят миллионов жителей? Ведь знают эту цифру оставшиеся не у дел последователи Джунковского наших дней. Да вот скажут ли? Да и Джунковский не пережил репрессий 1937 года.

История одного помилования

Сергей Бахрушин происходил из богатых купцов. В Москве его семье принадлежало кожевенное производство. Перед революцией Сергей окончил исторический факультет Московского университета. Был оставлен при нем для получения профессорского звания. Однако при царизме звания не добился. Сдал магистерские экзамены, но диссертацию защитить не смог. Подался в политику, став одним из видных активистов партии кадетов. Бахрушина избрали даже в Московскую городскую думу. Здесь он со товарищи, находясь в оппозиции к правительству, отпускал в его адрес разные шпильки.

После революции в 1919 году многих кадетов, недовольных теперь уже большевиками, арестовали, а некоторых, в том числе и приват-доцента Бахрушина, приговорили к расстрелу. Его товарищ по университету профессор русской истории Алексей Иванович Яковлев, узнав об этом, решил спасти своего коллегу. Профессор, будучи знакомым Ленина еще по Симбирску, поспешил к нему на прием в Кремль и стал просить помиловать Бахрушина. Ленин выслушал посетителя и сказал: «Вот помилуем мы его, а придут они потом к власти — и будут нас вешать!» На это Яковлев ответил: «Он, Владимир Ильич, не будет, он будет только смотреть». Оба рассмеялись, после чего Ильич велел помиловать Бахрушина.

Спасшись от смерти, но все еще изрядно перепуганный, Бахрушин по-

спешил к своему благодетелю Яковлеву и в знак благодарности пытался поцеловать ему руку. Смущенный профессор остановил его, недовольно буркнув: «Я ведь тебе не Патриарх!»

Оставшись чудом в живых, Бахрушин в дальнейшем постоянно подчеркивал свою лояльность новой власти. До революции он написал статью «Великая княгиня Елена Павловна». В ней речь шла о жене брата императора Николая I Михаила — женщине левых убеждений, активной стороннице отмены крепостного права в России. И даже такой статьи стал стыдиться Бахрушин, умалчивая о ней. Там же, где скрыть авторство не удавалось, он употреблял для нее новое название «Из истории общественных отношений XIX века».

«Контрреволюционное» прошлое в дальнейшем не помешало Бахрушину стать и доктором исторических наук без защиты диссертации, и советским профессором, и лауреатом Сталинской премии.

Сохраниться Бахрушину помогло то, что он научился быть очень осторожным. Однако судите сами. Ольга Алексеевна Яковлева, дочь Алексея Ивановича, была крупным специалистом по эпохе Ивана Грозного и подготовила докторскую диссертацию по этой теме. Бахрушин же, считавшийся как бы ее научным руководителем-консультантом, получил для просмотра материал по ее диссертации. Это было как раз тогда, когда стало известно, что Сталин избрал грозного царя своим героем-кумиром. Так вот, Бахрушин, осознав это одним из первых в стране, не только отказался принимать какое-то участие в защите диссертации по такой небезопасной теме, но и заявил, что никогда не видел никаких рукописей Яковлевой, да и в плане защит такой диссертации не было.

Чекист Половинкин

Семья профессора древней истории Алексея Яковлева занимала большую пятикомнатную квартиру в доме напротив храма Христа Спасителя. В 1916 году, когда в Москве скопилось много прибывших с фронта раненых и в городе не хватало госпиталей, профессор выделил для проживания раненых большую гостиную. После их выписки гостиная пустовала недолго. В 1918 году с мандатом на право проживания в квартире профессора появился чекист Половинкин. Ему была отведена все та же гостиная. Дома постоялец, как правило, появлялся поздно вечером, а уходил рано утром, так что хозяева квартиры его почти не видели.

Однажды жилец привез домой несколько тюков, набитых мужскими костюмами. Он развесил их вдоль стен комнаты, а чтобы спрятать от посторонних глаз, прикрыл газетами. За костюмами к чекисту стали наведываться покупатели.

Как-то раз профессора зачем-то вызвали в Кремль к Ленину. Когда Яковлев пришел туда, то, к своему удивлению, встретил перед входом в кабинет Владимира Ильича часового, которым оказался Половинкин. В тот же день чекиста вместе с его костюмами из квартиры профессора как ветром сдуло. Видать, испугался Половинкин, что узнает Ильич о его костюмном бизнесе.

Интеллигенты-мешочники

В 1919 году в городах России люди голодали. По городам и селам рыскали продотряды и отбирали у крестьян продукты. Многие горожане превратились в мешочников. Они везли вещи в деревню и выменивали их на продукты. На обратном пути бандиты прощупывали металлическими спицами их мешки и, если внутри мешков оказывалось что-нибудь твердое — масло или сало, все это отбиралось.

Среди мешочников были самые разные люди. Однажды пятнадцать московских интеллигентов, среди которых был и профессор Алексей Иванович Яковлев, получили в Наркомпросе разрешение на приобретение в деревне пятнадцати мешков зерна. Добытчикам удалось приобрести зерно и благополучно вернуться в Москву. Однако неожиданность под-

стерегала их на Казанском вокзале. Мешочников здесь поджидал продотряд. Продотрядовцы стали отбирать у людей продукты. Мешочников на вокзале было так много, что они мгновенно смяли редкую цепь вооруженных продотрядовцев. Раздались выстрелы, поднялась паника. Наркомпросовцы, среди которых был и семилетний сын Алексея Ивановича, пришедший встречать отца, Иван, боясь быть подстреленными, как по команде, залегли цепью вдоль железнодорожной насыпи, пряча головы от пуль за рельсами. Рядом с Иваном лежал шестидесятилетний академик биолог Михаил Иосифович Менсбир в большой фетровой шляпе. Воспользовавшись затишьем в стрельбе, отряд интеллигентов в полном составе спрятался в стоявшем неподалеку одиноком вагоне, а с наступлением темноты интеллигенты, озираясь, разошлись по домам.

Привезенный Алексеем Ивановичем мешок зерна позже смолотли на муку на кофейной мельнице, принадлежавшей ранее Эйнему. Смолотая мука пахла кофе. Частью этой муки Яковлевы расплатились с мельниками.

Слово русского офицера (Некоторые факты из жизни генерала А. А. Брусилова)

Среди прославленных полководцев, коими изобилует российская история, видное место занимает потомственный военный — генерал Алексей Алексеевич Брусилов. Во время наступления русской армии в мае-октябре 1916 года на Юго-Западном фронте под его командованием было пленено около 450 тысяч вражеских солдат и офицеров и свыше 1,5 миллионов противник потерял убитыми и ранеными. И это было осуществлено в условиях начального преимущества противника. Наступление это известно под названием Брусиловский прорыв. Однако оно не получило должного освещения из-за поражения русской армии в Первой мировой войне и надолго затмившей все Октябрьской революции. Многие российские герои были забыты.

О последних годах жизни Алексея Брусилова известно мало. Кое-что рассказал о нем профессор истории Московского университета Алексей Яковлев.

Познакомились они в 1917 году в Румянцевской библиотеке. Генерал хотел разобраться в причинах русской революции и искал их в прошлом страны. Брусилов попросил работавшего тогда в библиотеке Яковлева подобрать ему книги по русской истории. Жил он неподалеку и ходил в библиотеку каждый день.

Квартиру изгнанному Керенским из армии полководцу предоставила семья Саввы Морозова. Его с женой Надеждой Владимировной поселили в Мансуровском переулке в доме 4 с башенкой, где сейчас расположилось Сирийское посольство. Около этого дома во время одной из утренних прогулок, которые не прекращались даже во время уличных боев белых и красных, генерал был ранен осколком гранаты в бедро.

После поражения Красной армии под Варшавой новые власти привлекли царского генерала к работе комиссии по выявлению причин неудач на фронте, а позднее он инспектировал красную кавалерию. Власти доверяли никогда не лезшему в политику старорежимному генералу несмотря на то, что его сына расстреляли красноармейцы после отступления англичан из Архангельска, хотя распускались слухи, что убили его денкины.

Частые недомогания заставили Брусилова обратиться к Михаилу Фрунзе с просьбой разрешить ему с женой поездку на лечение в Карлсбад. Тот спросил его: «А вернетесь?», и, услышав утвердительный ответ, разрешил поездку без всяких проволочек, поскольку это было слово русского офицера.

В Чехословакии президент Масарик устроил торжественный прием в честь прославленного русского генерала. Здесь его справедливо считали основателем национальной армии, ведь создана она была на основе чехословацкого корпуса, сформированного в России из военнопленных по распоряжению Брусилова. Перед президентским дворцом гостя торжественно приветствовал строй почетного караула.

Закончив курс лечения, Брусилов возвратился на Родину в Советскую Россию. Однако после смерти генерала его вдова навсегда уехала за границу. С собой, по словам царского капитана первого ранга Доливо-Добровольского, мужа племянницы Брусилова Ксении, погибшего при великой чистке 1937 года, она захватила записки мужа, спрятав их на всякий случай в чемоданчике с двойным дном. Эти записки Алексея Алексеевича легли в основу появившейся затем за рубежом рукописи

«Мои воспоминания», авторство которой приписывали Брусилову и которая была написана в антисоветском духе.

Какой же была она — жена Сталина? (Подруги-гимназистки)

В предреволюционные годы настоятелем церкви в Петропавловской крепости в Петербурге служил некий Павел Никифорович Левашов, у которого была дочь — молодая девушка по имени Варя. Как и положено, она училась в гимназии. Одной из ее близких подруг в классе была Надя Аллилуева, ставшая позднее женой Иосифа Сталина. Отец Нади в то время служил на Путиловском заводе, ведая его электрообеспечением. Семья Аллилуевых проживала в хорошей просторной квартире. Надя часто посещала свою подругу у нее дома. Левашовы замечали некоторую странность Нади, поскольку та всякий раз, видя какую-нибудь понравившуюся ей вещь, обязательно спрашивала: «А сколько она стоит?» Мать Вари была пожилая женщина с абсолютно седыми волосами. Как-то раз Надя спросила свою подругу: «А почему бы твоей маме не покрасить волосы на голове?» И добавила: «Моя мама выкрасила волосы, половину головы в фиолетовый цвет, а другую половину — в зеленый».

После окончания гимназии пути молодых девушек разошлись. Однако вскоре после революции обе они оказались в Москве. Новая советская власть закрыла многие церкви, была закрыта и церковь Петропавловской крепости. Оставшийся без прихода, священник Левашов не смог получить назначения в Петрограде и был вынужден перебраться в Москву вместе с семьей, где его дочь поступила служить в Наркомпрод, который располагался в те годы в здании теперешнего Гума, выходящем своим фасадом на Красную площадь. Однажды, идя с работы домой, Варя встретила прямо на Красной площади Надю Аллилуеву, которая выходила из Кремля через Спасские ворота, неся в руке хозяйственную сумку. «Я работаю в Кремле, — сказала Надя подруге. — Нам иногда выдают пайки», — и она показала Варе курицу, лежащую в сумке. «А хочешь я и тебя устрою работать в Кремль?» — «Да кто же меня возьмет? — ответила Варя. — Ведь мой отец священник». На этом молодые девушки расстались, но скоро они встретились еще раз и снова на Крас-

ной площади. Надя радостно сообщила своей подруге, что вышла замуж, что у мужа есть сын, который живет вместе с ней, а сам муж ее воюет на фронте. «А знаешь, кто мой муж? — спросила Надя. — Джугашвили-Сталин. Знаешь такого?» — «Нет, такого не знаю», — бесхитростно ответила Варя. «Не знаешь?» — огорчилась Надя. Больше подруги уже никогда не встречались. А вскоре, как и многие другие, исчез в бездонном Гулаге отец Вари — священник Левашов. Позже трагическая участь постигла и жену Сталина.

Как появился в семье Дмитрия Ульянова сын Виктор

Дмитрий Ульянов не был безразличен к окружающим его женщинам. Одно время в его семье работала уборщица. Как-то раз Дмитрий заболел, и женщина исполняла роль сиделки в больнице. Жена Дмитрия, придя к нему в палату, увидела там свою уборщицу, возлежащую на диване, и пришла в ужас. Вскоре у уборщицы родился сын, названный Виктором. Женщина спустя некоторое время умерла. А Мария Ильинична и Надежда Константиновна настояли на том, чтобы ее осиротевшего сына Виктора взяли в семью Дмитрия Ильича и усыновили.

Лев Троцкий в отстойнике для руководящего состава партии

Наиболее известные сподвижники Ленина по партии Троцкий, Бухарин, Каменев перед окончательным уходом с арены занимали один и тот же пост начальника научно-технического управления ВСНХ, которое располагалось на Большой Мясницкой улице. Они выделяли валютное финансирование на приобретение иностранных журналов. В то время в стране не шла еще индустриализация, в казне было много валюты, поступающей от российского экспорта, и начальство не скупилось.

Алексей Иванович Яковлев был директором научно-технической библиотеки ВСНХ, и ему по долгу службы приходилось общаться с начальниками научно-технического управления. Наиболее колоритным из них был Лев Троцкий. Он производил впечатление воспитанного и доброжелательного человека. При появлении в его кабинете посетителя Лев

Давыдович вставал, улыбаясь, подходил к гостю, здоровался за руку, усаживал в удобное кресло и только потом начинал беседу. Разговаривал он со всеми на Вы. Однажды Троцкий объяснил Алексею Ивановичу, почему Красная армия победила в Гражданской войне. По мнению Троцкого, это произошло благодаря тому, что на сторону революции перешел младший комсостав царской армии. Эти люди обладали и достаточным опытом ведения войны, и были понятны солдатам. Те им верили и шли за ними в бой.

Бакунин хотел помочь Патриарху

Арестованный в 1925 году непокорный Патриарх всея Руси Тихон находился под стражей в Донском монастыре. ОГПУ содержало его в келье. Иногда он поднимался на крепостную стену для прогулок по ней. Разрешалось это ему потому, что дверь из кельи выходила на стену и можно было исключить встречи его с народом.

В то время Патриарх тяжело болел, а когда состояние здоровья его совсем ухудшилось, власти разрешили его госпитализировать. Многие московские клиники отказались принять Патриарха, боясь неодобрения властей. Взял его в свою частную клинику на Остоженке хирург Алексей Ильич Бакунин. Это был человек богатырского телосложения, убивший за свою жизнь на охоте восемнадцать медведей. Практиковал он вместе с женой Эмилией Николаевной. Кроме них, в клинике работали многие известные московские врачи.

Помочь Патриарху, страдающему простатитом, было уже нельзя. Примерно через неделю после поступления в клинику он скончался, и тело его было отправлено обратно в Донской монастырь.

Трудно сказать почему, но сразу же после смерти Тихона Бакунин подвергся давлению со стороны ОГПУ. Его вынудили закрыть клинику и покинуть Россию. Хирург с семьей отправился в Италию в надежде на то, что там его, племянника известного участника итальянской революции Михаила Бакунина, хорошо примут. Однако надежды Алексея Ильича не оправдались, встречен он был прохладно. Через некоторое время в мае 1926 года семья Бакуниных вместе с гостившей у них Натальей Яковлевой, старшей дочерью Алексея Ивановича, переехала во Францию.

Натали Мартру

У Наташи, старшей дочери Алексея Ивановича Яковлева, в середине 20-х годов начал развиваться туберкулез. О лечении его в условиях послереволюционной России не могло быть и речи. А тут случайно подвернулась возможность поехать в Италию с семьей известного московского врача Алексея Бакунина. Покинуть Россию Бакунина, по-видимому, вынудило ОГПУ, поскольку им была предпринята попытка лечить опального Патриарха Всея Руси Тихона.

Бакунин ехал за границу с женой, двумя дочерьми, двумя собаками и кошкой. Италию он избрал потому, что надеялся, что в этой стране люди помнят еще его дядю — одного из легендарных героев-гарибальдийцев Михаила Бакунина. Бакунины, дружившие с Яковлевыми и знавшие о проблемах Наташи, пригласили ее с собой. Они считали, что мягкий итальянский климат поправит ее здоровье. Наташа согласилась, получила разрешение советских властей и поехала с Бакуниными.

Надежды Бакуниных на теплый прием не оправдались. Власти Италии не проявили никакого интереса к русским эмигрантам и не стали содействовать им в обустройстве. Встретив сухой прием в Италии, Бакунины решили перебраться во Францию. Вместе с ними туда поехала и Наташа.

В результате молодая девушка оказалась в Париже, поступила там в университет и стала учиться на врача. Первое время Алексей Иванович помогал дочери деньгами. Однако по мере «закручивания гаек» в СССР такая возможность пропала. Помогать Наташе стал знакомый Яковлевых американец-археолог Томас Уайтмор. Этот человек пытался помочь и не только ей, но и остальным Яковлевым в Москве.

Однажды в то время, когда Алексей Иванович находился еще в минусинской ссылке, Томас появился в квартире Яковлевых на Тверской в странном виде. На его голове была надета огромная меховая шапка, закрывающая лоб и глаза, воротник пальто был поднят. В руках он держал две большие сумки. Томас объяснил, что шапку, спадающую на глаза, он надел не случайно. По его мнению, в ней его не смогут распознать чекисты. Они, возможно, следят за ним и могут, если узнают о его посещении Яковлевых, причинить им неприятности.

В сумках у Томаса оказалась кое-какая одежда, еда и даже сухие фи-

ники, которые он привез из Америки в качестве подарка своим русским друзьям из своего сада.

Наташа в Россию не вернулась. Она стала врачом и вышла замуж за француза. Связь с родными в силу известных обстоятельств прервалась, переписка стала невозможной. Наташе, там во Франции, ставшей теперь Натали Мартру, не очень-то были ясны причины, оборвавшие общение с ней ее родных.

Она очень обрадовалась, когда уже после войны представилась возможность использовать для налаживания утраченной связи знакомого ей военного атташе посольства Франции в СССР, антифашиста, генерала французской армии и коммуниста. Тот взялся посетить Яковлевых в Москве, передать им привет от Наташи и поговорить с ними. Генерал в мундире и при орденах подъехал к дому Яковлевых на посольской машине с французским национальным флагом, вошел в квартиру и поговорил с перепуганными московскими Яковлевыми.

Последствия посещения генерала-коммуниста были печальными. Ивана Алексеевича, работавшего по совместительству в Институте физических проблем над докторской диссертацией, тут же уволили. Его и его родных заставили писать подробные объяснения об их связях с заграницей. Органы госбезопасности обязали Яковлевых сообщать им немедленно о любых попытках иностранцев установить с ними контакт.

Наташа, наверное, не зная об атмосфере шпиономании в СССР, делала еще несколько попыток связаться со своими родными. По ее просьбе их посещали разные люди, в том числе и граждане СССР. И всякий раз Яковлевы писали в органы пространные объяснения. Им пришлось даже сообщить о пришедшем к ним скорбном известии о кончине Наташи.

Интересно, что подшивку этих «объяснений» в перестроечные годы вернули Ольге Алексеевне Яковлевой из спецотдела Института истории естествознания и техники, где та работала перед уходом на пенсию.

Как разрушали памятник Александру III и как это запечатлели в кино (Страничка из истории Москвы)

Памятник российскому самодержцу Александру III был установлен в Москве в 1912 году у храма Христа Спасителя. Скульптор Опекушин изобразил царя сидящим на троне с короной на голове и со скипетром в руках. Монарх сидел спиной к храму, а взгляд его был устремлен на Кремль, туда, где стоял другой памятник, его отца Александра II.

Уничтожив царизм, новая власть стала уничтожать и память о нем. Памятник Александру III разрушили в 1918 году задолго до взрыва храма Христа Спасителя (зима 1931 года). Ломать его решили с помощью грузовых автомашин. На памятник набросили канаты, и грузовики стали тянуть за них. Все это происходило на глазах у собравшейся на площади Христа Спасителя толпы и снималось для кинохроники. Однако опрокинуть памятник машинам не удалось, и съемки пришлось отменить.

Сломали памятник лишь через несколько дней. Кто-то из разрушителей узнал, что скульптура была собрана из нескольких частей, скрепленных друг с другом болтами, скрытыми внутри памятника. Развинтили болты и тогда опрокинули на землю части скульптуры.

Конфуз с разрушением памятника в документальном кино не показали. Однако процесс его разрушения «продемонстрировали» позже в известном художественном фильме «Октябрь», снятом в 1927 году к десятой годовщине Великого Октября кинорежиссером Эйзенштейном. Для этого памятник Александру III слепили из глины, и этот глиняный памятник в картине разрушала толпа «разгневанного народа».

Нестандартное решение вопроса

Близкий друг семьи Яковлевых экономист Бушман, еврей по национальности, был профессором Института народного хозяйства в Москве. Женился он на очаровательной татарке — женщине из влиятельного казанского клана. Молодожены идеально подходили друг другу. Но вот беда: были они людьми религиозными, но принадлежали к разным конфессиям. Она — мусульманка, а он — иудей, и никто из них не хотел

обращаться в веру другого. Однако любящие супруги нашли-таки выход — оба приняли католичество.

Простота хуже воровства

Так уже устроена наша жизнь — добро и зло, честность и воровство всегда существуют рядом. А воришки часто обводят своих честных собратьев вокруг пальца.

Вскоре после Октябрьской революции прохудилась крыша Румянцевской библиотеки, и ее надо было починить. Для этого привезли кровельное железо и свалили его в двух двориках библиотеки. Скоро в один из двориков приехали два мужика на подводе и стали грузить на нее листы железа. Появившийся откуда-то дворник строго спросил: «Кто позволил вам брать железо?» На что один из мужиков нахально ответил: «Чего раскричался, лучше бы помог нам грузить!» Наглость возымела действие, и дворник стал помогать им. Более того, мужики так понравились дворнику, что когда те стали уезжать, он спросил их: «А когда приедете за железом на второй двор?» Вот так стал дворник библиотеки невольным сообщником «расхитителей социалистической собственности».

А вот что случилось в дореволюционном Симбирске. Там усилиями чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева было создано училище для чувашских детей. Училище располагалось внутри сада, и при нем были квартиры для педагогов и священника. Каждая квартира состояла из нескольких комнат и террасы. Как-то раз во время летних каникул семья одного из учителей пила чай на своей террасе. Вдруг перед их глазами появился человек, небрежно несший в одной руке самовар. «Откуда вы несете самовар?» — спросил у незнакомца учитель. «От батюшки Никона, он просил запаять его», — ответил тот. «Уважаемый, а не возьмете ли вы на себя труд запаять и мой? Я вас непременно отблагодарю», — попросил учитель. «Отчего же не возьму, давайте», — сказал незнакомец. Смущенный учитель, извиняясь, поспешно вынес свой самовар и сам отдал его жулику. Вот ведь как бывает, хоть и далеко Москва от Симбирска.

Арест и ссылка в Минусинск

9 августа 1930 года трое чекистов пришли забирать профессора Алексея Ивановича Яковлева. Дома его не было. Он инспектировал заводские библиотеки в Смоленске. Чекисты взяли одного из соседей понятным и в его присутствии за два часа перевернули все вверх дном в квартире, особенно усердно они искали в кабинете, тщательно перелистывая страницы многочисленных книг ученого. Наткнувшись на книгу «Уложение царя Алексея Михайловича», главный сыскарь по фамилии Дубровский (позднее он работал начальником отдела снабжения физического факультета МГУ) злорадно воскликнул: «Вот мы уложили царя, а они уложение царское хранят!» Книгу тут же присовокупили к подлежащим к изъятию уликам. Обнаружив рядом с пишущей машинкой листы копировальной бумаги, Дубровский приказал своим подчиненным принести в комнату большое зеркало и попытаться с его помощью прочитать отпечатавшиеся на копирке слова. Получив от сына профессора Ивана письменное показание о месте нахождения отца, сыщики вызвали по телефону машину и, прихватив с собой все показавшиеся им подозрительными вещи, уехали.

Самого профессора арестовали в Смоленске и немедленно доставили на вокзал, чтобы отправить затем в Ленинград. Там, когда сопровождавший его охранник на минутку отлучился по нужде, Алексей Иванович поспешно написал на клочке бумаги: «Арестован. Отправлен в Ленинград» и адрес: «Москва. Кремль. Кавалерский корпус. Ульянову Дмитрию Ильичу». Бумажку он отдал сидевшей рядом с ним незнакомой женщине и попросил написанное им отправить адресату открыткой. И та отправила открытку, которая дошла-таки до Кремля. Пришел же Дмитрий Ильич в дом к другу до получения открытки на следующий день, узнав о случившемся по телефону от сына арестованного. Он увидел своими глазами беспорядок, оставленный сыскарями, и даже помог Ивану собрать разбросанные по кабинету бумаги и книги. Позже в период тюремного заключения и нахождения Алексея Ивановича в ссылке Дмитрий Ильич заботился о семье друга. Он приглашал его жену Ольгу Петровну и ее детей к себе на квартиру в Кремль, на дачу в Горки и даже снабжал их продуктами.

Арестовали Алексея Ивановича, как потом выяснилось, по делу Пушкинского дома. Забрали не его одного, а многих историков, имевших и

не имевших отношение к Пушкинскому дому. Среди арестованных были директор Пушкинского дома Сергей Федорович Платонов, такие видные историки, как Сергей Владимирович Бахрушин, Юрий Владимирович Готье, Евгений Викторович Тарле, Любарский и другие. Арестовали многих заведующих библиотеками, директоров краеведческих музеев.

Куда Алексея Ивановича отправили, стало известно после получения открытки Дмитрием Ильичом. Но в какую из ленинградских тюрем его поместили, никто не знал. Выяснить это помогли ленинградские родственники Яковлевых. Они обходили следственные изоляторы Ленинграда, заявляя везде, что принесли заключенному передачу. На Шпалерной улице передачу приняли, и родственники узнали, где сидит Алексей Иванович.

Ольга Петровна тут же поехала в Ленинград и стала добиваться свидания с мужем. Ей долго не разрешали. Пустили ее в тюрьму только после вмешательства Анны Ильиничны Ульяновой.

Под следствием Алексей Иванович находился до сентября 1931 года. Его пытались обвинить в заговоре против советской власти и убеждали в том, что в случае удачного исхода этого заговора ему предназначался пост министра сельского хозяйства. Большой фантазии было трудно придумать, поскольку подследственный никогда не имел никакого отношения к сельскому хозяйству. И тем не менее, когда он отказался признать предъявленное ему нелепое обвинение, его немедленно перевели на более строгий режим содержания, лишили ежедневных 15-минутных прогулок, ему запретили писать и читать, встречаться с родными, получать передачи.

Помочь Алексею Ивановичу взялась все та же Анна Ильинична. Она посетила начальника секретного отдела ОГПУ Якова Агранова, с которым была знакома с детства. У Агранова она стала требовать смягчения тюремного режима для Яковлева. Тот возражал, заявляя, что условия содержания Яковлева достаточно хорошие и у него в камере есть все удобства. «Ну что Вы мелете, какие на Шпалерной удобства, я знаю, там я сама просидела полтора года в 1887 году по делу моего брата Александра», — пыталась усюветить Агранова Анна Ильинична. И все-таки после вмешательства Ульяновой тюремные «привилегии» Алексею Ивановичу были возвращены.

Друзья Яковлевых удивлялись, почему Ульяновы не вызволят Алек-

сея Ивановича. Однажды Мария Ивановна Веретенникова — родственница Ульяновых по линии Ильи Николаевича — спросила Анну Ильиничну: «Почему вы не освободите Яковлева?» Та ответила ей: «Но что мы можем сделать, мы сами ждем той же участи».

Из ленинградской тюрьмы после тринадцатимесячного следствия так и не признавшего выдвинутых против него обвинений Алексея Ивановича отправили в ссылку в Минусинск. Везли его туда два месяца в купейном вагоне с решетками на окнах. В каждом купе находилось по восемь арестантов. К удивлению Алексея Ивановича, в Минусинск из тюрьмы на Шпалерной власти переслали томик Пушкина, который принес ему туда Иван по просьбе отца во время одной из встреч с ним. Отдали ему и часы, отобранные при аресте, пружина завода у часов, правда, была сломана. О новом месте пребывания Алексея Ивановича стало известно только после того, как из Минусинска в Москву пришла от него почтовая открытка (А. И. имел право писать на волю одну открытку в месяц).

Друзья не забывали Алексея Ивановича. Его товарищ, бывший политкаторжанин Александр Гречкин, нашел ему в Минусинске «опекуна» — своего друга, капитана Енисейского пароходства Александра Ивановича Коржавина. Художник Михаил Васильевич Нестеров прислал ему свою картину «Волжский пейзаж», которую позднее Иван Алексеевич подарил одному из московских музеев. В Минусинске его опекала и бывшая студентка Варя Левашова. Ее муж, бывший красный партизан, заведовал там малярной станцией (погиб в 1937 году). Ольга Петровна ездила в Минусинск к мужу. Достать билет туда помог ей Гречкин по своему удостоверению политкаторжанина, Ивану билет достали его студенты.

Чтобы вытащить Алексея Ивановича из ссылки, друзья стали писать прошение в Комиссию по частным помилованиям. Первоначально они хотели отметить в нем, что ссыльный — ученый, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР — имеет фундаментальные труды. Однако один из инициаторов подачи такого прошения профессор экономики Плехановского института Бушман, сам только недавно вернувшийся из ссылки, куда попал по так называемому «делу о промкооперации» в 1930 году, отсоветовал писать все это. «Никаких эмоций, кроме как враждебных, у властей такая аргументация не вызовет», — сказал он (Бушман вскоре погиб при репрессиях). В результате в тексте прошения оставили только, что осужденный работал в Научно-технической библио-

теке и имел две благодарности от Председателя ВСНХ Ф. Дзержинского. В тексте прошения указывалось, что добропорядочность и лояльность осужденного власти могут подтвердить все члены семьи Ульяновых, наркомфин Николай Павлович Брюханов (погиб во время массовых репрессий), заместитель наркомфина, в прошлом заместитель Дзержинского и председатель Московской ЧК Василий Николаевич Манцев (погиб при репрессиях), директор Ленинской публичной библиотеки Александр Иванович Невский (погиб во время репрессий), старый большевик Ф. Н. Петров, беспартийный член Общества политкаторжан Гречкин (погиб в 1937 году). Тот же Гречкин, товарищ Алексея Ивановича по учебе в Симбирской гимназии и Московском университете, заверил его автобиографические данные. Помогали вывозить из ссылки Алексея Ивановича и другие люди: Пешкова — первая жена М. Горького, академик Сергей Алексеевич Чаплыгин.

Усилия друзей оказались не напрасны. Алексея Ивановича вернули из ссылки в результате их ходатайства в мае 1933 года, а ровно через месяц из ссылки выпустили всех оставшихся в живых историков, арестованных в 1930 году, без всяких ходатайств. А сделано это было в результате того, что Сталин, вероятно, понял, что от историков для него будет гораздо большая польза на воле, чем в ссылке. Недаром впоследствии многим из них, в том числе Алексею Ивановичу Яковлеву — специалисту по древней Руси, были присуждены Сталинские премии за выдающийся вклад в развитие исторической науки.

И гнев, и милость

Академик Евгений Викторович Тарле был арестован по делу о ленинградском Пушкинском доме вместе со многими другими выдающимися советскими учеными-историками в 1929 году. Следствие по «делу» академика вели и в Ленинграде, и в Москве. По окончании следствия его выслали в Алма-Ату, где он преподавал историю в местном университете. В 1933 году, как и многие осужденные историки, Тарле был возвращен из ссылки. Вскоре он написал известную книгу «Наполеон». Сразу же по выходе из печати вокруг нее на страницах газет и журналов развернулась острая полемика. Автора обвиняли в отходе от марксистского

анализа событий наполеоновской эпохи и личности императора Наполеона. Книга обсуждалась и в кругу специалистов-историков, где автор также подвергся уничтожительной критике. Так, профессор Владимир Петрович Потемкин — автор трехтомного издания «История дипломатии» — в пылу полемики заявил, что его отделяет от Тарле не только политическое мышление, но и «железная решетка».

Однако вскоре полемика внезапно прекратилась, поскольку в одной из центральных газет появилась передовая статья, где было сказано, что написанная академиком Тарле книга достойна похвалы и что некоторые отступления от марксистского анализа, встречающиеся в ней, не являются виной автора. А через некоторое время автор книги получил письмо от самого Сталина, который поздравлял академика с удачной работой и предлагал ему, если тот, конечно, пожелает, выступить в центральной партийной печати с ответом на прозвучавшую в его адрес критику. На критику Тарле отвечать не стал, а позднее, в 1940 году, за книгу «Наполеон» он был удостоен Сталинской премии.

Константин — московский звонарь

Константин — внук известного российского врача Нила Федоровича Филатова — с детства страдал эпилепсией. Образования он не имел, но обладал исключительным музыкальным слухом, играл на фортепьяно и знал нотную грамоту. Поскольку его отцом был известный дирижер профессор Сараджев, жил Константин при Московской филармонии и был знаком со многими музыкантами. Сам он сочинял музыку для церковных колоколов и играл на них, считаясь виртуозом в этом деле.

Константина знали в кругу московских интеллектуалов и часто приглашали в различные компании. Однажды в 1929 году на Варварин день его позвали в один дом, где собралось человек двадцать, среди них была и Анастасия Цветаева. Празднество проходило настолько бурно, что привлекло внимание ОГПУ. Компанию затолкали в «черный ворон» и увезли на Лубянку. С оказавшимся в тесном замкнутом пространстве Константином немедленно случился приступ, и вместо того, чтобы держаться на Лубянке, власти отправили его в больницу. Костя об этом даже не догадался и, вернувшись домой, стал рассказывать, как хорошо его

приняли в ОГПУ и даже спать положили на чистые простыни.

Примерно в это время в Москву из Гарвардского университета приехал профессор археологии некий Томас Уайтимор. Это был богатый американец, который реставрировал собор Святой Софии в Константинополе. В Москву он прибыл для того, чтобы купить колокола для вновь построенной церкви Гарвардского университета. В ту пору в Москве колокола свозили на свалки из разрушаемых церквей, и можно было найти подходящие экземпляры. Томасу понадобился специалист по колоколам, и ему кто-то порекомендовал Константина. На свалке было подобрано семнадцать колоколов, и их повезли в США на корабле. Томас уговорил ехать в Америку и Константина и получил на это разрешение советских властей.

В Гарварде колокола были размещены на колокольне, Константин демонстрировал свое мастерство при стечении большого количества народа. Однако эмоциональная нагрузка на Константина оказалась настолько сильной, что у него произошел эпилептический припадок и какой-то нервный срыв. Он изрисовал нотами в своей комнате все стены, потолок, простыни, а затем разделся догола и стал бегать вокруг церкви. Пришлось американцам отправить Константина обратно в Россию.

Дома он появился одетый как настоящий американец: в высоких ботинках на шнурках, в клетчатом пиджаке и такой же кепке. Вынул привезенные карманные часы и гордо произнес: «Подарок Президента!»

Сталин глазами художника

Художник Михаил Васильевич Нестеров был другом семьи профессора-историка Алексея Ивановича Яковлева и часто бывал у них дома. У властей Нестеров считался неблагонадежным, но его терпели, поскольку он был известным деятелем российской культуры.

В 1925 году Нестерова арестовали. Допрос вел начальник секретного отдела ОГПУ Агранов. В его ногах перед столом лежала шкура белого медведя, а в дверях во время допроса стоял часовой. Агранов пытался обвинить художника в том, что в его доме собираются гости и ведут анти-советские разговоры. Рассказывая это в кругу семьи Яковлевых, Нестеров бросил реплику: «Как будто они могли вести разговоры за советскую

власть!»

В доме напротив дома Яковлевых на Тверской улице располагалась парикмахерская. Ее витражное стекло по праздникам обтягивали красным кумачом, а на его фоне помещали портрет Сталина в профиль.

В 1932 году, придя в очередной раз в гости к Яковлевым, Нестеров сказал: «Долго я сегодня стоял у вашего подъезда и смотрел на портрет Сталина. У него страшное лицо, что-то тигриное есть в его взгляде».

Позднее Нестерову предложили написать портрет вождя. Но он не согласился, аргументируя отказ тем, что позировать ему Сталин не будет, ну разве, что пройдет мимо один раз. «Мы дадим вам для работы тысячу его фотографий», — предложили заказчики портрета. «Нет, — сказал художник, — это не заменит натуру».

Пушкиных в России ссылали всегда, а пушкинисты собирали деньги, чтобы им помочь

Иван Алексеевич Яковлев в 30-х годах был знаком с правнучкой Пушкина Мариной Мезенцовой. Как-то вечером к ним в квартиру на Тверской улице пришла молодая, очень красивая женщина. Ее внешнее портретное сходство с Натальей Николаевной Гончаровой было просто ошеломляющим. Она только что вернулась из Минусинска и привезла весточку от отца Яковлева, Алексея Ивановича, отбывавшего ссылку вместе с ее отцом. А в 1932 году Марина и Иван поехали в Минусинск вместе.

В то время Иван Алексеевич преподавал в Московском институте железнодорожного транспорта. Учились у него не только студенты, но и повышавшие квалификацию ответственные работники Наркомата путей сообщения, и среди них был даже один заместитель наркома, член ЦК ВКП(б) Амосов. По окончании учебы благодарные путейцы преподнесли учителю подарок — два бесплатных билета для проезда в любой конец СССР.

Преподаватель попросил конечным пунктом проезда записать Минусинск. Вторым билет предназначался для жены. Супруги у молодого преподавателя не было, но от билета он, однако, не отказался, решив предложить его Марине. Она находилась в отпуске (а работала она в Исто-

рическом музее) и, немного поразмышляв, решила не отказываться от возможности еще раз повидать отца.

В то время Марине было 29 лет. Она имела двоих маленьких сыновей, Сергея и Бориса — от брака с российским немцем по фамилии Геринг. Во время нэпа муж Марины изрядно разбогател на галантерейном производстве и даже приобрел шикарный иностранный автомобиль. Однако к моменту поездки он давно уже ушел из семьи, и деньгами на поездку ее, как и в первый раз, снабдили пушкинисты, которые считали своим долгом не бросать на произвол судьбы потомков Пушкина, хотя это и могло вызвать неодобрение властей.

В Минусинске начала 30-х годов было много ссыльных. Отца Марины Сергея Петровича Мезенцова, зарабатывавшего на жизнь переплетным ремеслом, отправили в ссылку просто за неприятие советской власти. Он был тогда пожилым, но сохранившим военную выправку человеком.

В Минусинске вместе с отцом жил и брат Марины Саша, такой же ссыльный. До ареста молодой человек увлекался спортом — греблей на лодках-восьмерках, и всю лодочную секцию арестовали.

Сначала Саша отбывал срок заключения в Карелии, в окрестностях Медвежьегорска. Там он повредил себе позвоночник и стал инвалидом, потеряв способность передвигаться. Начальство ОГПУ вняло просьбам отца и перевело сына к нему в Минусинск. Мезенцовы жили на скромную зарплату Сергея Петровича, которую он получал за работу делопроизводителя местного кооператива «Смычка». Иногда деньги на жизнь им собирали пушкинисты. Хоть с 1929 года в стране были введены карточки, на рынке можно было купить кое-какие продукты.

Ссылка для Мезенцовых стараниями их друзей закончилась в 1934 году, и они вернулись в Москву. Правнук Пушкина, также Александр Сергеевич, вскоре умер, и его похоронили на Новодевичьем кладбище. Место на нем помогли получить в Моссовете все те же пушкинисты. Вскоре умерла и Марина — в том же возрасте (31 год) и от той же болезни, скарлатины, что и ее мать, Вера Александровна. На попечении дедушки остались двое Марининых малолетних детей. С ним они жили вплоть до очередного его ареста в роковом 1937 году.

По иронии судьбы, братья Геринги, которые в свое время были жена-ты на сестрах Мезенцовых Марине и Наталье, стараниями внучки Льва Толстого Софьи Андреевны-младшей во время Великой Отечественной

войны поменяли свою «опасную» фамилию на Пушкиных и тем самым избежали высылки в Сибирь, а может быть, и еще худшей участи.

А старшая сестра Марины, тоже родная правнучка Пушкина, Наталья Сергеевна, скончалась совсем недавно на 95-м году жизни.

Под занавес

Имя Льва Борисовича Каменева знакомо многим. И тем, кто в принудительном порядке изучал в свое время «Историю КПСС», и тем, кто знает эту самую историю, в основном, по разоблачительным материалам последних лет. Во всяком случае, к истории Москвы Л. Каменев имеет самое непосредственное отношение — в далекие от нас 20-е он довольно долго занимал пост «хозяина Москвы» — председателя Моссовета.

Перед окончательным «уходом со сцены» Лев Каменев некоторое время был начальником Научно-технического управления ВСНХ. Любопытно, что эту же самую должность в конце своей политической (и просто жизненной) карьеры занимали и два других соратника В. Ленина — Л. Троцкий и Н. Бухарин, — что позволяет считать некоторые кабинеты ВСНХ своеобразным «Березовом» для устраненных, но еще живых лидеров «ленинской гвардии».

Этому самому Научно-техническому управлению подчинялась и научно-техническая библиотека ВСНХ, директором которой во времена Каменева был известный профессор древней истории, член-корреспондент АН СССР Алексей Иванович Яковлев. Таким образом, место встречи и знакомства двух наших героев не вызывают сомнений — ВСНХ.

А чуть позднее оба эти деятеля — партийный функционер и беспартийный профессор-историк — оказались в Минусинске, в ссылке. Л. Каменев прибыл туда в 1932 году в отдельном вагоне с женой Татьяной Ивановной Глебовой и сыном Володей. Приехал с ним и Леонид — сын от первой жены (Ольги Давыдовны — сестры Троцкого), — который помог отцу устроиться на новом месте и сразу же отбыл обратно в Москву. Так что 1932-й можно считать временем «либеральным» — сыновья за отцов еще не отвечали...

В ссылку Каменев привез с собой много всякой утвари и, разумеется, книг: в Минусинске он продолжал заниматься редакционно-издательской

деятельностью возглавляемого им в Москве издательства «Академия». Перед самой ссылкой Каменев заключил с издательством несколько договоров на сумму свыше 40 тысяч рублей и получил значительный гонорар. Так что средства «на первое время» были, и он жил в Минусинске в трехкомнатной квартире. Сюда-то и приходил к Каменевым А. Яковлев. Они часто встречались и говорили по-свойски о многом. В частности, Яковлев как-то усомнился в выдающихся способностях Сталина, но Каменев с ним не согласился, заявив, что Сталин умен и очень хитер!

В 1933 году Каменеву было «предложено» написать «покаянное письмо», сделав это непременным условием его возвращения в Москву. Повезла письмо в столицу в марте 1933 года жена, Татьяна Ивановна, оставив сына с отцом. Яковлев попросил захватить с собой и его письма к родным. В Москве за письмами пришел сын А. Яковлева — Иван. В большой кооперативной квартире, которую Каменев купил после развода с первой женой, Иван застал Татьяну Ивановну одну: она сидела на единственной в квартире кровати и разговаривала по телефону. Другой мебели, даже стульев, в квартире не было.

Татьяна Ивановна рассказала Ивану, что в Ачинске при пересадке с одного поезда на другой с ней произошла странная история. Внезапно ее окружила толпа неизвестно откуда взявшихся людей, кто-то вырвал из ее рук чемодан, где находилось и покаянное письмо Каменева, — и все исчезли так же неожиданно, как и появились. Жена Каменева заявила о случившемся в милицию. Через несколько часов чемодан со всем содержимым был ей возвращен. С полным основанием можно было считать всю эту «бандитскую акцию» операцией НКВД: очень хотелось покопаться без помех в багаже и поискать «компромат» на Льва Борисовича.

Л. Каменев вернулся в Москву в апреле 1933 года, а следом за ним разрешили вернуться туда и А. Яковлеву. Тут и родился один совместный издательский проект: Алексей Иванович предложил Льву Борисовичу издать в «Академии» роман В. Скотта «Айвенго», снабдив его специально подобранными иллюстрациями XIII века, которые можно было найти в фондах Ленинской библиотеки. Каменеву предложение Яковлева понравилось, и он включил книгу в план издательства, но предложил в качестве художника своего родного брата Николая. Книга была полностью подготовлена к изданию, но так и не увидела свет — на дворе стоял уже конец 1934-го... Как раз в это время А. Яковлев пригласил супругов

Каменевых к себе в гости. Те обещали прийти, но почему-то не пришли. Впрочем, Лев Борисович успел позвонить Яковлеву и извиниться: не время, мол, по гостям ходить — убит Киров, и это не может остаться без последствий.

Последствия не замедлили сказаться: Л. Б. Каменев вскоре был арестован, а позднее и расстрелян. Сгинули обе жены и сыновья. Был уничтожен и его брат — художник-график Н. Б. Розенфельд.

Перековка малолеток

Во время посещения страны Советов в 1935 году Ромен Роллан был приглашен в гости к Горькому на дачу в подмосковные Горки, где когда-то было имение купеческой семьи Морозовых. Писатель прибыл туда вместе с женой Марией Павловной — эмигранткой первой волны из России. Туда же позвали художника Корина с супругой. Приехал и нарком Генрих Григорьевич Ягода, который, как известно, был равнодушен к невестке Алексея Максимовича Надежде Алексеевне.

Решили продемонстрировать гостю, как в стране социализма идет процесс перековки беспризорников в добропорядочных граждан. С этой целью в Горки доставили группу подростков одной из подмосковных колоний. Встреча Романа Роллана с бывшими малолетними преступниками проходила на первом этаже горьковской дачи, и все шло хорошо. Подростки отвечали на вопросы французского писателя.

После беседы детей отвели во флигель накормить сытным обедом. В это время Мария Павловна поднялась зачем-то на второй этаж в отведенные ей с Ролланом комнаты и обнаружила, что исчезли золотой портсигар и часы писателя. Мария Павловна спустилась вниз, подошла прямо к Ягоде и сообщила о пропаже вещей. Разгневанный Ягода тотчас отправился во флигель к перевоспитанным подросткам и потребовал немедленно вернуть французу украденные у него вещи. В противном случае он собственноручно перестреляет мерзавцев всех до одного. Вещи писателя были возвращены на прежнее место так же незаметно, как и были похищены.

Москва в 1941 году

Летом 1941 года Дмитрий Ильич Ульянов, семья которого жила в Горках Ленинских, почти каждый выходной день приглашал к себе в гости Яковлевых. Чаще других туда ездили Алексей Иванович и Иван. 22 июня, как всегда, за ними приехала легковая машина ЗИС-101. На этот раз поехал в Горки только Иван: его отец заболел.

Последнее время было очень тревожным. Зрел конфликт с Германией. Дома у Яковлевых был хороший немецкий радиоприемник фирмы «Телефункен», и Иван с отцом, владевшие в совершенстве немецким, английским и французским языками, ежедневно по вечерам ловили иностранные передачи. Слушали они их и утром перед уходом на работу. Все шло к войне.

Поэтому, сев в машину, Иван сразу же включил имевшийся в ней радиоприемник и узнал из передачи Би-Би-Си, что немцы перешли границу СССР без объявления войны и ведут ожесточенные бои уже на нашей территории.

А вскоре начались бомбежки Москвы. Немецкие «асы», метя в Кремль, частенько кидали свои зажигательные бомбы на территорию университета, который находился рядом с Кремлем. Ночью и днем в свободное от занятий со студентами время сотрудники дежурили на крышах домов, тушили пожары от «зажигалок». В перерывах — работа для нужд фронта. В группе профессора В. В. Ильина Иван занимался усовершенствованием противогаса. Разрабатывали дымозащитный фильтр, не боящийся влаги. Тогдашние картонные противогазные фильтры при увлажнении так сильно затрудняли дыхание, что противогазы становились непригодными к употреблению. Был создан хороший фильтр.

Власти положительно оценили деятельность Ивана Алексеевича во время войны и уже после ее окончания его наградили медалью «За оборону Москвы».

Семью Дмитрия Ильича отправили в эвакуацию. Но связь между ним и Яковлевыми не прекращалась и тогда. Они писали друг другу письма. Дмитрий Ильич живо интересовался жизнью и настроением людей в осажденной Москве и просит в одном из писем к Ивану Алексеевичу подробно написать ему обо всем этом.

У Алексея Ивановича он просит прислать ему папирос. Вот ведь какой

был заядлый курильщик. Из-за неумеренного курения у него случилась гангрена, и ему ампутировали ноги, но он так и не расстался с этой вредной привычкой.

Хлебная карточка Ю. Б. Харитона

В 1944 году Юлий Борисович Харитон был одним из ведущих научных сотрудников Института химической физики. Шла война, и люди в Москве голодали. Положение научных сотрудников с учеными степенями кандидатов и докторов наук было несколько лучшим, чем положение их неостепененных коллег. Им полагались рабочие карточки, на которые выдавалось больше продуктов, чем на карточки служащих. Давались еще и талоны на дополнительное питание.

В то время в СССР не существовало Высшей аттестационной комиссии, которая выдает теперь дипломы кандидатов и докторов наук. Тогда удостоверяющим наличие ученой степени документом служила заверенная печатью выписка из протокола заседания Ученого совета, на котором защищалась диссертация. Коллеги Харитона, Яков Борисович Зельдович, Давид Альбертович Франк-Каменецкий и другие, имели такие выписки и получали дополнительное питание. Харитон же диссертацию защищал не в СССР, а в Англии в Кавендишской лаборатории во время работы там у Эрнеста Резерфорда, и нужной справки на русском языке не имел, а поэтому и дополнительный паек ему не полагался.

Чтобы выдать Юлию Борисовичу рабочую карточку, директору Института химфизики Николаю Николаевичу Семенову пришлось обратиться к С. В. Кафтанову — ответственному за науку в Государственном комитете обороны — с просьбой приравнять ученую степень доктора, полученную в Англии, к степени кандидата наук в СССР. Такое разрешение вскоре было получено, и Харитон, наконец, был уравнен в правах со своими коллегами.

Офтальмолог Филатов

Можно или нельзя использовать органы умершего человека для лечения больных — такой вопрос даже и не возникал в Советской России. Этим во многом и объясняются успехи офтальмолога профессора Владимира Филатова при пересадке роговицы глаза. Хирург вырезал у больного пораженный бельмом участок роговицы, а на его место вживлял такой же участок роговицы, взятый из глаза умершего человека. В начале тридцатых годов лечивших бельмо глаза врачей не было, и в одесскую клинику Филатова обращалось множество страдавших этим недугом людей в надежде на исцеление глаз. Чтобы помочь им, врачу требовались глаза умерших. Получал он их из Москвы из клиники Склифосовского. У мертвого человека вынимался глаз, а вместо него под закрытое веко подкладывался кусочек ваты, о чем даже никто не догадывался. Собранные таким образом глаза помещались в специальную коробку — холодильник со льдом на дне — и отправлялись на поезде с проводником в Одессу.

Желающих вернуть утраченное зрение было так много, что хирургу приходилось работать буквально в поте лица. Больные досаждали ему даже во время отпуска. Спасаясь от них, он часто приезжал летом к сестре — жене знаменитого детского врача Сперанского — и жил у нее на даче в подмосковном Туристе, рисуя там местные пейзажи и сочиняя стихи. Но и здесь во время отдыха некоторым наиболее настырным больным все-таки удавалось попасть на «прием» к хирургу. Операций на даче, конечно же, он не делал, но иногда производил осмотр глаз. При этом ассистирующий ему Иван Яковлев держал перед глазом больного керосиновую лампу с рефлектором, поскольку в Туристе в тридцатые годы не было еще электричества.

Бдительность Павла Корина

Павел Корин получил диплом об окончании Московского училища живописи, зодчества и ваяния, но его картина на средневековые мотивы не заслужила положительной оценки экзаменационной комиссии. Художник устроился помощником к Нестерову, расписывавшему тогда Марфо-Мариинскую обитель, основанную великой княгиней Елизаветой

Федоровной. Там он познакомился со своей будущей женой, чувашкой Пашенькой, которая жила в сиротском приюте при обители и обучалась на фармацевта. Корин преподавал сиротам живопись.

В 1928 году Горький, живший в ту пору в Италии, посетил СССР. Здесь его гидом был Николай Бухарин. Однажды он повел Горького в мастерскую Корина, которая тогда располагалась на чердаке жилого пятиэтажного дома на Арбате, 23. Подниматься пришлось пешком по крутой лестнице, поскольку лифт не работал. Поднялся Горький на третий этаж и так устал, что хотел уже отказаться от посещения художника, но Бухарин сумел уговорить его не делать этого. А когда все-таки Горький поднялся в мастерскую, то не пожалел. Очень ему понравился замысел создания грандиозного полотнища «Руси уходящей», созревшей у художника в 1925 году во время прощания огромной толпы людей у стен Донского монастыря с усопшим Патриархом всея Руси Тихоном. Персонажами для картины Корин выбрал митрополита Трифона, московского протодиакона Михаила Кузьмича Холмогорова и игуменью Фомарь, в прошлом грузинскую княжну Тамару Марджанову, и нарисовал их портреты.

После посещения студии Горький пригласил Корина вместе с его братом Александром приехать в Италию. Вернувшись из Италии, Корин получил новую мастерскую в доме, где ранее была прачечная, неподалеку от Новодевичьего монастыря. Здание было преобразовано моментально, поскольку инициатива исходила от шефа ОГПУ Генриха Григорьевича Ягоды. К дому художника был прирезан земельный участок, обнесенный четырехметровым тесовым забором.

В дальнейшем Ягода попросил Корина нарисовать его портрет. Рисовал художник в одной из квартир наркома, расположенной внутри печально известного здания на Лубянке. Однажды Ягода спросил художника: «Тебе нужны деньги?» — и, не дожидаясь ответа, вынул из шкафа десять тысяч рублей (значительная сумма по тем временам) и протянул их Корину.

Как-то Ягода пригласил в свою квартиру на Лубянке Корина вместе с Пашенькой. Ягода был не один, а со своей женой Идой Авербах. Пили чай. Вдруг хозяин спросил гостей: «А хотите посмотреть заключенных? Они находятся здесь совсем рядом». Пошли смотреть. Пройдя совсем немного по коридору, Ягода подошел к двери и открыл ее своим ключом.

За дверью прямо на полу лежали люди. Чтобы протиснуться в комнату, Ида ногой в голову толкнула одного из заключенных. Тот подвинулся и освободил проход. Вероятно, арестованные были раскулаченными крестьянами.

После ареста самого Ягоды Корин долго боялся, что арестуют и его. Но все обошлось. На процессе врага народа в 1938 году Корин сидел в зале суда среди приглашенных на слушание дела.

В начале шестидесятых годов, когда Корин был уже в ореоле славы, он приплыл на пароходе в Соединенные Штаты Америки с коллекцией своих полотен. Жил он там в гостинице в Нью-Йорке. Однажды вечером Пашенька попросила мужа подойти к телефону. «Кто звонит?» — осведомился художник. «Керенский», — ответила супруга. Изменившийся в лице, Корин взял трубку. Что говорил ему Керенский, Паша не слышала. Монолог же Павла состоял из слов: «Да. Нет». — «Что же сказал тебе Керенский?» — спросила Паша. «Да выставка моя ему понравилась», — ответил Павел. «А почему ты так сухо говорил с ним?» — поинтересовалась жена. «Так я же должен быть бдительным», — был ответ художника.

Наивный дегустатор вин

Академик Михаил Александрович Леонтович и его жена Татьяна Петровна были большими любителями путешествий. Однажды летом в середине тридцатых годов они пригласили с собой в туристический поход по Кавказу молодого Ивана Яковлева. Поскольку он жил в центре неподалеку от фирменного винного магазина на Тверской улице, ему поручили купить там сухое вино для похода.

По дороге в магазин Иван не переставал восхищаться сообразительностью Михаила Александровича: «Вот ведь какой умный, берет сухое вино, чтобы не таскать тяжелые бутылки!» Придя в магазин, он попросил продать ему сухого вина. «Какого?» — спросила продавщица и кивнула на огромный стеллаж, уставленный бутылками. «Вот тебе и сухое вино», — промолвил про себя сконфуженный Иван.

А уже после войны в Москве прошел слух, что в коммерческом винном магазине на Тверской появилась «Малага» из винных погребов по-

верженного вермахта. По слухам, вино это попивали немецкие генералы. Узнав об этом, кто-то из профессоров физфака Московского университета попросил Ивана Алексеевича купить пару бутылок. «Очень уж хвалила это вино моя покойная мама, а я так его и не попробовал», — сказал он. Иван Алексеевич купил вино и принес его профессору. Одну бутылку тут же продегустировали сотрудники лаборатории. Однако вино, и не только Ивану, пришлось не по вкусу. «И что же в нем так нравилось маме?» — удивился профессор.

В августе 1998 года мы с женой Наташей, ничего не зная о давнишней дегустации Ивана Алексеевича, побывав в Испании, пригласили его к себе домой посмотреть видеофильм и цветные фотографии. «Заодно попробуем и знаменитую испанскую „Малагу“», — обмолвилась Наташа. «„Малагу“? — оживился тот, — обязательно приеду!»

Вино ему очень понравилось. «Да, — сказал он, — ведь права же была мама моего знакомого, видать, победителям после войны вместо „Малаги“ подсунули немцы какой-то суррогат». Вот тут-то и рассказал нам Иван Алексеевич историю про вино «третьего рейха».

*Иван Алексеевич Яковлев**

Иван Алексеевич Яковлев родился в Москве 13 октября 1912 года. Его дед Иван Яковлевич Яковлев — известный Просветитель чувашского народа, создатель письменности и алфавита чувашского языка. Отец Ивана Алексеевича — Алексей Иванович — ученик профессора Ключевского и продолжатель его дела, профессор-историк, член-корреспондент АН СССР. После окончания школы в 1929 г. Иван Алексеевич поступает на физико-математический факультет МГУ, и в 1932 г. досрочно его заканчивает.

В течение года он работает ассистентом кафедры физики Института инженеров путей сообщения, а в 1934 г. становится ассистентом кафедры общей физики физического факультета МГУ. С тех пор и до самой кончины (1 марта 2000 г.) его работа была связана с физическим факультетом МГУ.

В 1943–1946 гг. И. А. Яковлев работал в Институте физических проблем АН СССР (ныне — ИФП им. П. Л. Капицы РАН) в качестве докторанта.

В 1942 г. Иван Алексеевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Исследование по рассеянию света при низких температурах». Докторская диссертация на тему «Исследования по фазовым переходам второго рода в твердых телах» защищена И. А. Яковлевым в 1957 г. В 1959 г. он получил звание профессора. В 1974 г. И. А. Яковлев был избран заведующим кафедрой физики кристаллов, которой руководил 15 лет.

Основные свои исследования Иван Алексеевич проводил на физическом факультете МГУ. В течение 70-ти лет работы И. А. Яковлев внес фундаментальный вклад в экспериментальное исследование пьезоэлектриков, сегнетоэлектриков, полупроводников, распространения поверхностных и псевдоповерхностных упругих волн в твердых телах.

Особенно существенные результаты, полученные впервые в мире, относятся к поглощению ультразвука в твердых телах при фазовых переходах. Было обнаружено аномальное поглощение звука в кристаллах сегнетовой соли вблизи верхней и нижней точек Кюри. Л. Д. Ландау объяснил обнаруженную аномалию теоретически и вывел соответствующую формулу для коэффициента поглощения звука в сегнетоэлектриках и несегнетоэлектриках. Эти результаты получили всеобщее признание, дали начало обильному потоку исследований во всем мире и широко цитируются.

Одновременно с исследовательской работой И. А. Яковлев вел большую педагогическую и методическую работу. Он читал чрезвычайно интересные лекции по общему курсу физики, кристаллооптике, голографии и другим разделам физики, которые пользовались неизменным успехом у слушателей.

После переезда Университета на Воробьевы горы в новое здание в 1953 г. И. А. Яковлев много сделал для создания на физическом факультете современного практикума по оптике (им было поставлено более 40 задач). В 1974 г. Иван Алексеевич организовал совершенно новый практикум по физическим основам голографии, пользовавшийся большой популярностью.

Много сил Иван Алексеевич отдавал написанию и изданию многочисленных учебных пособий. В пятом издании (1976 г.) курса лекций «Оптика», написанного Г. С. Ландс-

---

* Сокращенный и переработанный вариант статьи, опубликованной в УФН, 2000, т. 170, № 5, с. 579–580.

бергом, Иван Алексеевич написал два новых раздела «Физические принципы голографии» и «Оптические квантовые генераторы», принял деятельное участие в издании «Элементарного учебника физики» в трех томах под редакцией Г. С. Ландсберга. Ему принадлежит большая роль в создании сборника задач по общему курсу физики для университетов, выдержавшему уже 4 издания и переведенному на многие языки. Он был в числе составителей учебников по общему физическому практикуму и «Специального физического практикума». Им создано много лекционных демонстраций, он является соавтором книги «Лекционные демонстрации по физике».

С момента основания при МГУ факультета повышения квалификации преподавателей высшей школы (ФПК) Иван Алексеевич работал куратором специальности «общая физика» и читал лекции для слушателей ФПК.

На протяжении своей почти 70-летней работы на физическом факультете МГУ Иван Алексеевич руководил множеством дипломных работ и кандидатских диссертаций. Некоторые его ученики стали докторами наук. Он всегда знал о работе своих учеников на всех ее этапах и был готов в любое время оказать помощь, и, если жизнь того требовала, не только научную.

В течение 35 лет (с 1966 г.) И. А. Яковлев работал в редакционной коллегии журнала «Успехи физических наук». Значение этой деятельности Ивана Алексеевича для истории и развития журнала очень велико. Он был широко образованным профессионалом, компетентным во многих областях физики. Иван Алексеевич отлично знал отечественную и общую историю и прекрасно представлял, какое значение имеет познание природы и какую ценность имеют знания о ней, передаваемые из поколения в поколение. Память его была необычайно емкой: он свободно воспроизводил цитаты на нескольких языках, точно приводил научные факты, исторические аналогии, биографические подробности. Он чрезвычайно дорожил репутацией журнала, и был очень внимательным, бескомпромиссным рецензентом. До последних дней своей жизни Иван Алексеевич активно участвовал в работе редколлегии УФН.

И. А. Яковлев всегда вел большую общественно-просветительскую работу. В 1965–1974 гг. он был председателем Совета по пропаганде физики, математики и астрономии общества «Знание» РСФСР.

Заслуженный деятель науки РФ, заслуженный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, почетный профессор Чувашского государственного университета И. А. Яковлев имел ряд правительственных наград, в том числе орден «Знак Почета» и медаль «За оборону Москвы».

Широко образованный во многих областях человеческих знаний, свободно владеющий английским, французским и немецким языками, Иван Алексеевич обладал прекрасной памятью и талантом рассказчика. Все это доставляло большое удовольствие общения с ним, на какую бы тему ни заходил разговор. Он был благородным, добрым и отзывчивым человеком. Ему были присущи высокая культура, многогранный талант и редкая работоспособность.

Замечательный человек, выдающийся физик-исследователь и педагог Иван Алексеевич Яковлев внес большой вклад в науку, учебную работу и формирование облика физического факультета Московского университета, а также в развитие науки и образования во всей нашей стране.

Швилкин Борис Николаевич

РАССКАЗЫ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ПРОФЕССОРА

Оригинал-макет: *А. В. Борисов*

Подписано в печать 28.02.02

Объем 3,3 п. л. Тираж 120 экз. Заказ № 34

Физический факультет МГУ

Лицензия ЛР № 021293 от 18.06.98

119899, Москва, Воробьевы горы, д. 1, корп. 2,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
физический факультет

Тел. (095) 939-54-94. Интернет: <http://publish.phys.msu.su>

Отпечатано в отделе оперативной печати
физического факультета МГУ